

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ЗА РУБЕЖОМ

БРОДВЕЙСКАЯ
ПРЕМЬЕРА

ЭДУАРДА ОЛБИ критика считает едва ли не самым популярным современным американским драматургом. Каждую его пьесу ждут, почти каждая — событие на Бродвее. У последней работы Олби необычная история. Он увлекся идеей переделать для американской сцены и публички пьесу недавно умершего английского писателя Джайла Купера. А увлекшись, создал пьесу собственную, в которой от Купера ничего не осталось. Две недели назад в театре «Плимут» состоялась премьера.

Время действия — наши дни. Место — одно из тех очаровательных пригородных местечек, которые сотнями и быстро, как грибы, выросли за последние два десятка лет вокруг крупных американских городов и даже, как утверждают, «изменили концепцию» нынешнего жилья. «Средний класс» тем охотнее бежит в предместья, чем выше квартирные цены и нервная нагрузка в городах и чем больше в них негров, несущих с собою с юга нищету и трущобы. Делать деньги в городе, а жить почти на лоне природы, в комфортабельном микрорае собственного дома и сада, в нетесном соседстве так называемых порядочных людей, подальше от чернокожих, кладущих на душу ненужное чувство тревоги и даже вины — вот реализованная мечта миллионов.

Итак, спектакль «Все в саду», а точнее, по смыслу — «Чтобы все было в саду». Действие происходит в гостинице загородного дома, где все — чисто, покой и приличия и где окно во всю стену, а за ним чудо свежезеленого, идеально ухоженного сада. Дженни — домохозяйка. Ее муж Ричард — химик, но это совсем неважно, что он химик. С помощью драматурга они с первых же реплик берут быка за типично американские рога, точно просящая себе цену — сорок тысяч долларов. Вот это важно. Сорок тысяч долларов стоит их новый дом — а значит они сами, по крайней мере в глазах соседей.

Мани... Мани... Чувствуете, как мелодично слово «деньги» по-английски? Режиссер Питер Гленвиль не спроста упивается музыкой этого слова. В доме Дженни и Ричарда оно звучит, как куранты, отбивающие прошлое, настоящее и будущее. Весь семейный разговор — это «шепоток», разговор о деньгах и покупках. Денежки у них водятся, но вместо обеда сэндвичи, пятнадцатилетний сын Роджер не может попасть в платный лагерь на каникулы, они покупают сигареты подешевле и держат самую дешевую водку для коктейля. Они воодушевленно экономят во имя великой цели: «чтобы все было в саду».

Они мечтают купить оранжерею. Цветоводы-любители? Ничего подобного. Они живут по святому принципу обывателей: А что у Джонса, что у соседа? Не что у Джонса в голове и за душой, а что у Джонса в кармане, банке, доме и саду. Трагикомедия Дженни и Ричарда начинается с того, что в их очаровательном местечке есть такие Джойсы, у которых дома подороже и оранжерея в садах, и членство в частном клубе, недоступное карманам нашей пары. И вот эти Джонсы царствуют на ярмарке окрестного тщеславия, указывая Дженни и Ричарду на их неполноценность, или, если расчленишь это слово, на их неполную ценность. В самом деле, что ты за человек, если у тебя нет оранжереи? И какое право ты имеешь уважать себя?

Но суматошная, только что выскользавшая в нувориши Дженни и ее ворчливый, но тем не менее сознающий величие цели Ричард стараются, готовя прорыв к оранжерее на плацдарме своего дома. Стараются медленно, но верно.

И вдруг, когда Дженни одна в доме, приходит незнакомка, по-офицерски властная мисс Туз. — Какой прелестный сад! Вы мечтаете об оранжерее? — И мисс Туз, вынув из сумочки тысячу долларов, искусительно шуршит ими, предлагая Дженни аванс за одну работу, так, иногда днем, когда муж на службе. Дженни, конечно, делает стойку перед этой тысячей. Но все-таки, что это за работа? — Не берете, — вместо ответа говорит мисс Туз и вызывающе спокойно рвет одну банкноту, другую, третью. Это зрелище не по силам Дженни. Она хватается поредевшую тысячу. И тогда незнакомка небрежно уточняет, что речь идет о работе «колгёрл», девушки по вызову, а уж если назвать вещи своими именами — проститутки. Скандал. Буря благородного негодования. Выгнанная мисс Туз невозмутимо удаляется, оставив и деньги и визитную карточку, — похоже, что

она знает психологию любительниц оранжерей. А тут возвращается Ричард с еще одним самоунизительным сообщением из того же репертуара: паршивый владелец занюханной винной лавочки, представляешь себе, покупает вторую машину. Дженни колеблется недолго. В конце концов даже Ричард не будет знать, чем она занимается. Зато оранжерея, о ней будут знать все.

Через шесть месяцев на имя Ричарда приходит заказной почтовый пакет с деньгами. Откуда? Не сообщить ли в полицию? Дженни убеждает его, что, конечно же, это деньги от какого-то безвестного доброхота. Соблазн велик, и Ричард принимает эту версию. На радостях они решают закатить прием для соседей, и не просто вечеринку, а в саду, как это делается у богачей — «гарден парти» с шампанским и икрой. Неожиданно Ричард находит в сумочке у Дженни еще одну здоровенную пачку денег. Он требует объяснений, и она наконец признается. Стыд, безумная ревность, драка, но и замороженные взгляды на стол, где лежат деньги. Вот она мечта, так близко. И она кидает ему в лицо истину, для нее уже бесспорную: «Разные деньги? Есть лишь три сорта денег — слишком много, слишком мало и как раз столько, сколько нужно... Шлюха? Все мы шлюхи!..» И беснующийся Ричард понимает, что она права.

Последний акт — вечеринка в саду, апофеоз процветания и успеха. Три приглашенные супружеские пары. Друзья? Что вы! Люди, как отполированные шары, чуть коснутся и уже откатываются друг от друга. Одежды и позы, и разговор — все из последнего журнала. Но неожиданное появление мисс Туз вполне реально. Дженни униженно просит ее уйти, боясь разоблачения и того, что вот сейчас рухнет все синтетическое великолепие «гарден парти». Но когда дамы возвращаются в гостиницу из сада, мисс Туз приветствует их фамильярным «хелло», а одной из них делает выговор за пропущенный четверг. Они все пайщики в «предприятии» мисс Туз! И дамы и их мужья, знающие, откуда в доме «экстра-мани». Неловкость отвратительного открытия развеивает мисс Туз: ведь они никому не делают вреда, напротив... Наступает даже облегчение. Раз все занимаются этим — значит это закономерно. У них рождается особая мораль круговой поруки.

Но вваливается пьяный и веселый сосед Джек, наследник миллионера, имеющий все, в том числе и острое сознание, что живет впустую. Он чувствует что-то неладное в насторожившихся физиономиях знакомых ему людей. Он видит мисс Туз, ба, припоминает, что когда-то в Лондоне знал эту ледя и ее «девушек». Момент озарения, взгляд на застывшую компанию, и Джек дико хохочет и сквозь хохот кричит им: «А вы, оказывается, бизнесмены лучше, чем я предполагал». И валится от хохота на диван, и этот сатанинский хохот жжет их онем, пугает, как грохот, развершаясь под ногами. И по приказу мисс Туз мужчины затыкают Джеку рот, притворяясь, что на время, и внутренне надеясь, что навсегда. Его душат и закапывают в саду.

Это место зарастает свежей травой. «Все будет прекрасным в вашем саду». — говорит мисс Туз хозяевам на прощание, довольная, что марионетки достигли дна и никуда теперь не денутся.

Такую вот пьесу написал Эдуард Олби. Ее хорошо поставил режиссер Питер Гленвиль и сыграли актеры — в трагикомическом ключе. «Чтобы все было в саду» — и оранжерея, да и закопанный труп. Критика, воздавая должное таланту драматурга, бросает ему один веский упрек: слишком легки переходы от комедии к трагедии, характеры недостаточно мотивированы. Видно, критики лучшего мнения о героях, чем их создатель, считающий, что подобным синтетическим людям все дается легко. Любопытно, что против темы возражений нет. Несколько лет назад в графстве Нассау, под Нью-Йорком, полиция раскрыла подпольную проституцию среди замужних состоятельных дам, причем выяснилось, что мужья знали, откуда в доме «экстра-деньги». Правда, там не было убийств. Но в конце концов драматург имеет право на художественный вымысел. А может быть, на прозрение? Не все трупы раскапывают. И на чистую воду выводят не всех желающих, чтобы в их садах было все.

С. КОНДРАШОВ,
соб. корр. «Известий».

НЬЮ-ЙОРК, декабрь.